

Ш. Вольф

ФИЗИКИ В «ВОЙНЕ УМОВ»: ВОЗРАЖЕНИЯ ВИЛЬГЕЛЬМА ВИНА ПРОТИВ «АНГЛИЦИЗМА»

Введение

Начало Первой мировой войны в Германии было встречено с воодушевлением, главным образом, зажиточной средней буржуазией. Особую роль при этом играла академическая элита.

В своих публичных заявлениях многие немецкие ученые выступали против попыток иностранцев провести различия между немецкой культурой и немецким милитаризмом. Самым известным из таких обращений стало «Воззвание к культурному миру», которое подписали 93 интеллектуала, широко признанные за рубежом. Это «воззвание» — одно из многочисленных заявлений и опровержений, совокупность которых вскоре была названа «война умов»¹.

Среди представителей немецкого академического сообщества особую роль сыграла небольшая группа физиков, чьи действия не преследовали целей воздействия на внешний мир, а были направлены на своеобразную «самообилизацию», о которой после войны старался не вспоминать ни один из участников. Позднее, когда речь шла о международном сотрудничестве в области науки, часто цитировалось заявление Альберта Эйнштейна, сделанное в августе 1915 г., в котором он говорил, что представители естественнонаучных дисциплин проявили меньшую склонность к шовинизму, чем их коллеги-гуманитарии. В результате, когда речь заходила о науке в межнациональном разрезе, физики оставались в тени, оставляя львиную долю внимания гуманитариям².

Вообще говоря, международные связи в то время активно развивались (одним из результатов этого развития стали знаменитые конференции Сольвея в 1911 и 1913 гг.), и это, казалось бы, говорило скорее

¹ *Kellermann H.* Der Krieg der Geister. Dresden, 1915.

² Письмо Эйнштейна Лорентцу от 02.08.1915 // *Albert Einstein über den Frieden* / Нг. О. Nathan, Н. Norden; Bern, 1975; см. также: *Schulmann R. et al.* The Collected papers of Albert Einstein, Vol. 8: The Berlin Years: Correspondence 1914–1918, Part B: 1914–1917, Princeton, 1998. P. 155–156; *Tollmien C.* Der Krieg der Geister in der Provinz — das Beispiel der Universität Göttingen 1914–1919 // *Göttinger Jahrbuch*. 1992. № 40. S. 137–210. Цит.: S. 202.

об интернациональном характере науки. Впоследствии часто можно было услышать истории, которые подтверждали это мнение. Так, венский профессор Штефан Мейер (1872–1949), шутя, рассказывал о том, что у него был «английский военнопленный», студент по обмену, который после начала войны не мог вернуться на родину, но, благодаря вмешательству Мейера, не был интернирован и смог продолжить работу в его лаборатории. Российский подданный Пауль Софус Эпштейн находился в Мюнхене под надзором полиции, при этом он обладал свободой передвижения по территории института Арнольда Зоммерфельда (1868–1951)³. Тяжелее пришлось Петеру Прингсгейму (1881–1963) и Джеймсу Чедвику (1891–1974), когда они оказались в аналогичной ситуации. Прингсгейм был интернирован после участия в проводившейся в Австралии конференции «Британская ассоциация за развитие науки», а Чедвик, который работал в Берлине у Гейгера, во время войны был вынужден жить в так называемом «английском лагере» в берлинском предместье Рулебен. Так же 7 августа в Одессе были задержаны и участники российской экспедиции из Германии, занимавшиеся изучением затмения солнца⁴. Все эти факты говорят о том, что, на самом деле, и в научном сообществе того времени международная солидарность была лишь видимостью.

Помимо общего возмущения вступлением Англии в войну многие немецкие физики также выражали недовольство тем, что достижения немецких ученых были недостаточно высоко оценены их английскими коллегами, и более того, иногда выдавались ими за свои собственные. В знак протеста против политики Англии некоторые университетские

³ *Lawson R.W.* Nachruf // *Nature*, 1950. № 165. P. 549; *Meyer H.* Fortschritt und Krisis 1914–1964 // *Physikalische Blätter*. 1965. № 21. S. 101–105. Об Эпштейне: *Eckert M.* Die Atomphysiker, Braunschweig, 1993. S. 54–55 и письмо Зоммерфельда Эпштейну от 12.02.1922 // *Archiv Pasadena, CalTech Epstein 8.3*, Internet: www.lrz-muenchen.de/Sommerfeld/.

⁴ Запись Sommerfeld an Wien am 25.12.1914 // *Physikalische Zeitschrift*. 1915. № 16. S. 16. Напечатано в: *Arnold Sommerfeld Wissenschaftlicher Briefwechsel* // *Eckert M., Märker K.* Bd. 1. Berlin. 2000. S. 489–491. Что касается исследовательских контактов, см., например, письмо Прингсгейма Рутерфорду от 15.11.1915, письмо Чедвика Рутерфорду от 14.09.1915, Наследие Рутерфорда / Университетская библиотека Кембриджа. Также упоминается: *McCormack R.* Nachtgedanken eines klassischen Physikers. Frankfurt, 1984. S. 217–218; *Struve H. et al.* Sonnenfinsternis vom 21. August 1914 // *Astronomische Nachrichten*. 1914. № 199. S. 363–265.

преподаватели даже отказались от английских знаков отличия⁵. В их числе был лауреат Нобелевской премии 1905 г. Филипп Ленард (1862–1947), который пожертвовал семьям баденских борцов денежное вознаграждение, полагавшееся ему как обладателю медали им. Рамфорда, полученной в 1896 г. от Лондонского Королевского общества⁶. После начала войны из-под пера Ленарда вышла 16-страничная брошюра под названием «Англия и Германия во время великой войны». В ней он выразил свое критическое отношение к необоснованному восхищению английской наукой, которое, по его мнению, принижало немецкое национальное достоинство. Ленард выражал осуждение политики Англии, не проводя при этом различий между политическими и научными категориями и прибегая к непривычно агрессивной даже для того времени риторике. По словам Ленарда, война против этой страны была «крестовым походом ради торжества честности на земле»⁷. Многие коллеги Ленарда получили от него эту брошюру, в том числе Вильгельм Вин (1864–1928), который охотно поддержал формулировки Ленарда⁸. Остальные же адресаты поначалу восприняли брошюру Ленарда болезненно, поскольку видели в ней реакцию коллеги, который был обижен недостаточным вниманием к его трудам. Но вскоре точку зрения Ленарда, особенно некоторые его лозунги, уже разделяли большинство его коллег.

«Воззвание» Вина Истоки

Среди уважаемых немецких физиков был политически мыслящий человек — Вильгельм Вин, лауреат Нобелевской премии 1911 г., который заведовал кафедрой в Вюрцбурге. В конце 1914 г. он осознал, что направленная против Англии инициатива содержит в себе возможность мобилизации немецких физиков. Эта идея пришла Вину в голову благодаря письму его коллеги из Аахена Йоханнеса Штарка (1874–1957), в котором он выражал свое недовольство по поводу письма Хендрика

⁵ *Kellermann H.* Der Krieg der Geister. S. 28–29.

⁶ Вырезка из *Heidelberger Tagesblatt* от августа 1914 // Библиотека университета в Гейдельберге.

⁷ *Lenard F.* England und Deutschland zur Zeit des großen Krieges. Heidelberg, 1914. S. 16.

⁸ Письмо Вина Ленарду от 24.10.1914 // Nachlass Wien DMM.

Антоона Лорентца (1853–1928) и Пауля Эренфеста (1880–1933), преподававших в то время в нейтральных Нидерландах⁹. Они адресовали немецким физикам письмо, опровергавшее слухи о том, что бельгийские граждане нанесли немецким солдатам увечья, и приложили к письму отчет врача из Нидерландов¹⁰. Вместо того, чтобы попытаться выяснить суть происшедшего, Штарк выразил Вину свою обеспокоенность масштабами английского влияния в физике и «англоманией в немецких физических кругах»¹¹. Штарк призывал Вина подготовить «воззвание» немецких физиков против «англомании» для того, чтобы защитить интересы «нашей», как он говорил, науки¹². Как раз в декабре 1914 г. некоторым немецким профессорам, в том числе Ленарду и Вину, передали немецкий перевод заявления английских ученых, в котором они оправдывали политику Англии и ее решение вступить в войну¹³. Это заявление подписали восемь физиков. Разочарованный таким шагом, Вин отметил недостаточное понимание ими ситуации в Германии. В этих условиях идея, высказанная Штарком Вину, упала на благодарную почву. В своем ответе Штарку Вин говорил, что столь частое цитирование немецкими авторами английских источников в ущерб немецким неуместно, особенно если учитывать, что английские ученые

⁹ Письмо Штарка Вину от 19.12.1914; также краткая ссылка на это письмо в Штаргардтском аукционном каталоге № 609. Марбург, 1976. С. 145.

¹⁰ Заверенная Лорентцом и Эренфестом в ноябре 1914 г. копия сообщения доктора Ван дер Гота от 25.10.1914; письмо Штарка Эренфесту и Лорентцу от 12.12.1914; письмо Лорентца Штарку от 16.12.1914 // Nachlaß Stark, Lorentz 32–34, SBPK; письмо Эренфеста Штарку от 18.12.1914 // Nachlaß Stark, Ehrenfest, SBPK. См. также: *Hermann A. Albert Einstein und Johannes Stark. Briefwechsel und Verhältnis der beiden Nobelpreisträger* // Sudhoffs Archiv. 1966. № 50. S. 267–285. Цит. S. 280; *Idem. H.A. Lorentz-Praeceptor Physicae, Sein Briefwechsel mit dem deutschen Nobelpreisträger Johannes Stark*. Janus. 1966. № 53. S. 99–114.

¹¹ Штарк в письме Вину от 19.12. 1914 (см. прим. 9)

¹² Штарк в письме Вину от 19.12.1914 (там же)

¹³ Экземпляр на четырех страницах в «Nachlaß Wien DMM». См. также: *B. vom Brocke. Wissenschaft und Militarismus* // Wilamowitz nach 50 Jahren / Hg. W.M. Calder, H. Flashar, T. Lindken, Darmstadt, 1985. S. 648–717; hier: S. 670–671. Не совсем точный перевод «Ответа немецким профессорам» со списком «подписантов» см.: *Kellermann H. Der Krieg der Geister*. S. 36–44. *Ungern-Sternberg J. u. W. Der Aufruf «An die Kulturwelt!» das Manifest der 93 und die Anfänge der Kriegspropaganda im Ersten Weltkrieg*. Stuttgart, 1996. S. 95. Письмо Ленарда Вину от 25.12.1914 // Библиотека университета Гейдельберг.

крайне редко дают ссылки на своих немецких коллег¹⁴. Однако Вину было недостаточно просто выразить свою позицию по данному вопросу. Ему было важно, чтобы физики в границах немецкоязычного пространства сумели четко сформулировать свою позицию, и чтобы эта позиция имела ощутимые последствия. Уже на следующий день Вин послал письмо с приложенным к нему проектом «воззвания» 21 известному физическому. Среди адресатов помимо президента Императорского физико-технического института в Берлине были 16 заведующих физическими кафедрами в 14 из 20 других университетов (за исключением Вюрцбурга), по одному письму получили 11 высших технических школ Германии, в которых преподавалась физика (за исключением Аахена).

В своем письме Вин заявил, что, поскольку из письма английских коллег видно, что они не понимают ситуацию, он больше не надеется на то, что личные отношения между немцами и англичанами в обозримом будущем могут быть восстановлены. Вин говорил, что необходимо «вновь устранить необоснованное английское влияние, проникшее в немецкую физику». «Конечно, речь не идет об отрицании научных идей и инициатив английских ученых, но в нашей науке заметно увлечение немцев иностранным, которое так часто подвергается критике. В первую очередь, это проявляется в том, что в наших работах по физике научные достижения очень часто приписываются англичанам, в то время как в действительности эти результаты были получены нашими соотечественниками». Вин также осуждал публикацию немецких работ в английских журналах и то, что немецкие издатели выпускают большое количество английских книг. В завершение он указал, кому будет адресовано это «воззвание»: это «все преподаватели физики в университетах Германии, Австрии и немецкой части Швейцарии, а также все члены Немецкого физического общества»¹⁵.

Первый из трех пунктов «воззвания» содержал положение о том, «что при цитировании используемой литературы англичанам не следует уделять больше внимания, чем соотечественникам, как это уже неоднократно случалось», и предполагал, таким образом, необоснованное количественное ограничение на цитирование английских источников даже на уровне отдельной публикации. В отличие от других воззваний, в которых как естествоиспытатели, так и представители

¹⁴ Письмо Вина Штарку от 21.12.1914 // Nachlaß Stark. SBPK.

¹⁵ Письмо Вина «Уважаемому господину коллеге» от 22.12.1914 // Nachlaß Sommerfeld, DMM NL 89B 059. Напечатан: Eckert et al. S. 487–488.

других дисциплин выступали с оправданием войны и поддерживали армию, Вин в своем воззвании сделал попытку подчинить политическим критериям сами принципы науки. Ведь, являясь рабочим инструментом, цитирование в то же время имеет и этическое значение, поскольку содержит информацию о том, какие идеи и результаты были позаимствованы автором. Таким образом, формулируя данное положение, Вин покусался на этический принцип ученого.

В двух следующих положениях воззвания Вин призывал немецких физиков отказаться от публикаций в английских журналах, а издателей — печатать научные работы только на немецком языке и издавать переводы только в случае особой литературной ценности произведения.

Отказ Фридриха Пашена и берлинцев

Принципиальным отказом принять участие в акции ответили только два адресата воззвания. Фридрих Пашен (1865–1947) из Тюбингена, известный своими исследованиями в области спектроскопии, с недоумением отнесся к идее установить какие-то правила в этой сфере. Он считал также, что это может осложнить восстановление научных контактов после войны, и даже собирался написать опровержение¹⁶. Воззвание Вина было также отвергнуто Эмилем Варбургом (1846–1931), президентом расположенного в Берлине Императорского Физико-технического института. Он коротко ответил Вину, что в науке нет места политике и что он против каких-либо действий в указанном направлении¹⁷.

В основе других отказов лежали не столь принципиальные возражения. Заведующий кафедрой в Берлине профессор Генрих Рубенс (1865–1922) ответил только в начале января, после того, как обсудил этот вопрос с коллегами после Рождества. Принципиальных возражений против «воззвания» он не высказал. Более того, Рубенс считал, что подобные правила установятся естественным путем. Однако на фоне многочисленных других воззваний он не видел смысла в еще

¹⁶ Письмо Пашена Вину от 27.12.1914 и 24.01.1915 // Stargardt Auktionskatalog Nr. 627. Marburg, 1982, 60 und 677, 2003, 243. См. также: письмо Пашена Зоммерфельду от 07.02.1915 // Nachlaß Sommerfeld DMM, HS1977 — 28/A, 253, Internet: www.lrz-muenchen.de/~Sommerfeld/.

¹⁷ Письмо Варбурга Вину от 28.12.1914 // Nachlaß Wien DMM; письмо Варбурга Вину от 21.01.1915 // Autograph I/1454, SBPK.

одном публичном заявлении, и поэтому не стал подписывать воззвание Вина¹⁸.

Возможно, что среди тех, с кем обсуждал этот вопрос Рубенс, был и Макс Планк (1858–1947), занимавший должность заведующего кафедрой теоретической физики в Берлине. Его ответ был похож на ответ Рубенса. Планк заявил, что целиком и полностью поддерживает содержание «воззвания», но, поскольку идеи «воззвания» не потеряют свою актуальность и после войны, целесообразнее было бы сделать такое заявление после ее окончания. Для Планка важно было, чтобы ученые продемонстрировали иностранным державам, что они поддерживают армию. Поскольку это уже произошло, Планк на тот момент не видел необходимости в каких-либо дополнительных действиях¹⁹.

Вольдемар Фойгт — документация внутреннего раздора

Вольдемар Фойгт (1850–1919), принимавший участие во Франко-прусской войне 1870–1871 гг., достал старую униформу и вернулся в армию. Ему поручили осуществлять надзор за французскими и английскими ранеными. Он упрекал английских интеллигентов в том, что за них рискуют жизнью наемные солдаты, и считал, что каждый патриот обязан принести Германии личную жертву, когда ей угрожает опасность²⁰. С другой стороны, Фойгт лучше, чем многие его немецкие коллеги, осознавал ценность международных научных контактов. Когда он был за границей, в частности в Лондоне и России, у него появились там знакомые, и даже после начала войны Фойгт с восторгом отзывался о бельгийце Сольвее и о проводившейся при его поддержке за год до этого конференции в Брюсселе. Выступая перед сотрудниками Гёттингенского университета 31 октября 1914 г., Фойгт говорил о конфликте между долгом патриота и приверженностью международным научным связям. В заключение Фойгт подчеркнул, что в этой ситуации важнее долг патриота, но при этом выразил сожаление по поводу того, что в жертву придется принести международные научные

¹⁸ Письмо Рубенса Вину от 08.01.1915 // Autogr I/1257 SBPK, 22.01.1915, Nachlaß Wien DMM.

¹⁹ Письмо Планка Вину от 01.01.1915 // Nachlaß Wien Nr. 78, SBPK.

²⁰ Письмо Фойгта Цееману от 05.09. и 24.09.1914 // Zeeman Papers Rijksarchief Haarlem.

связи: «Так разрушаются самые благородные культурные ценности, и мы, люди науки, наряду с потерями, которые мы несем вместе с другими, должны смириться и с этой потерей»²¹. Фойгт был согласен с содержанием «воззвания», но предложил разослать его коллегам после окончания войны.

Согласие без подписи: Рентген и Ленард

Для Вильгельма Конрада Рентгена (1845–1923) международные научные контакты имели скорее второстепенное значение, так как он вел замкнутый образ жизни, хотя и признавался в письме Лорентцу в апреле 1915 г., что, после того, как отношения со многими зарубежными коллегами были прекращены, он особенно ценит те немногие контакты, которые удалось сохранить²². Рентген писал Вину, что после начала войны по собственной инициативе в более узком кругу уже обсуждал затронутые в «воззвании» вопросы. Он сообщал о том, что все его личные контакты с англичанами были прерваны. Рентген разделял недовольство Вина «англomанией», но считал, что после войны личную переписку нужно возобновить. В то же время он считал, что в настоящий момент более важные вещи поставлены на карту²³.

Совсем по-другому звучал отказ Ленарда, который сначала с большим воодушевлением отозвался на воззвание Вина: «Как можете Вы сомневаться в моей самой активной поддержке?!»²⁴ Ленард писал, что, хотя уже в течение десяти лет он действует в духе «воззвания», до настоящего времени чувствовал себя одиноким в своих убеждениях. «Воззвание» же показало, что в условиях войны его позицию стали разделять многие.

²¹ Ansprache gelegentlich der Zusammenkunft der Lehrer der Georgia-Augusta am 31. Oktober 1914 // Nachlaß Wien DMM. Об интернационализме Фойгта см. также: *Torkar G. Die Ehrendokorate des Woldemar Voigt: Auszüge aus den Aufzeichnungen seiner Ehefrau Marie // Wissenschaftliches Jahrbuch des Deutschen Museums 1989. München, 1989. S. 159–174.*

²² Письмо Рентгена Лорентцу от 12.04.1915, цит. по: *Fölsching. Wilhelm Conrad Röntgen. München; Wien, 1995. S. 311.*

²³ Письмо Рентгена Вину от 25.12.1914 и 21.01.1915 // Stargardt Auktionskatalog. Marburg, 1976. Nr. 609. S. 140; открытка Рентгена, адресованная Вину, от 10.02.1915 // Nachlaß Wien DMM.

²⁴ Письмо Ленарда Вину от 25.12.1914 // Heidelberg Hs. 3853, 1–3, Universitätsbibliothek Heidelberg.

Ленард внес несколько дополнений, которые носили более радикальный характер, но Вин не принял их, опасаясь, что для достижения консенсуса нужен все же более нейтральный вариант. Выражая свое разочарование, Ленард писал Вину: «Если когда-нибудь будет сделан по-настоящему решительный шаг, я буду активным участником; кроме того, я считаю, что этот лживый народ едва ли достоин того, чтобы тратить с ним время на что либо другое, кроме как на пальбу из пушек»²⁵. Спустя несколько недель Ленард все же отметил заслугу Вина, говоря, что наконец-то было что-то сделано «в таком нужном направлении»²⁶.

Подписанты

Отказы подписать «воззвание» были рассмотрены подробно, так как благодаря их анализу был выявлен широкий спектр мнений. И хотя положительные ответы на письмо Вина едва ли требуют столь детальных комментариев, некоторые различия проявились и здесь. Вильгельм Халльвакс (1859–1922), Франц Химштедт (1852–1933), Вальтер Кениг (1859–1936), Отто Луммер (1860–1925) (снабдивший свой краткий ответ популярной в то время фразой «Боже, покарай Англию!»), Эдуард Рике (1845–1927), двоюродный брат Вильгельма Вина Макс Вин (1866–1938), Отто Винер (1862–1927) и Густав Ми (1868–1957) (считавший брошюру Ленарда «немного односторонней и слишком категоричной»), а также Франц Рихарц (1860–1920) (удивлявшийся, что у кого-то еще могут быть сомнения по этому поводу), выразили «воззванию» безоговорочную поддержку²⁷.

Экснер из Вены, хотя и считал сначала, что лучше подождать до окончания войны, не хотел оставаться в стороне, после того как большинство

²⁵ Письмо Ленарда Вину от 25.12.1914. 03.01 и 21.01.1915; Heidelberg Hs. 3853, 1-3, Universitätsbibliothek Heidelberg.

²⁶ Письмо Ленарда Вину от 23.03.1915 // Nachlaß Wien DMM.

²⁷ Письмо Халльвакса Вину от 21.01.1915; недатированный, отмеченный пометками экземпляр первого проекта «воззвания»; письмо Химштедта Вину от 05.01. и 21.01.1915; письмо Кенига Вину от 02.01. и 02.02.1915; письмо Люмера Вину, без даты, по-видимому, относящееся к концу января 1915; письмо Вина Ми от 01.02.1915 // Nachlaß Wien DMM. Письмо Ми Вину от 06.01. и 02.02.1915 // Stargardt Auktionskatalog Nr. 609, Marburg 1976, 129. Письмо Рихарца Вину от 02.01. и 23.01.1915 // Nachlaß Wien DMM. Письмо Макса Вина Вину от 24.01.1915 // Stargardt Auktionskatalog Nr. 609, Marburg 1976, 152. Письмо венцев Вину от 21.01.1915 // Nachlaß Wien DMM.

коллег решили действовать без промедления²⁸. Лехер, который тоже преподавал в Вене, обозначил в своем письме Вину возникший в этой ситуации конфликт. Заявляя о личной ненависти к англичанам, он, тем не менее, подчеркнул, что в науке подобным чувствам не место, ибо ей известна только истина, и потому она должна оставаться интернациональной. Требования Вина казались ему очевидными, но особого воодушевления по поводу этой акции он не испытывал и, как и Экснер, считал, что целесообразнее было бы подождать до заключения мира. Высказав свои возражения, Лехер заявил, что, несмотря ни на что, присоединяется к мнению большинства²⁹.

Сформулированный Лехером конфликт получил отражение даже в резком ответе Швейдлера из Инсбрука. Тем не менее, Швейдлер четко обозначил главный приоритет. «Исходя из того, что воззвание является косвенным признанием подписавшихся в том, что они проводят в жизнь свои национальные убеждения и хотя бы предостеречь от бесхарактерного космополитизма (допустимого с чисто профессиональной точки зрения)», он поддержал воззвание Вина³⁰.

Арнольд Зоммерфельд (1868–1951) поначалу одобрил воззвание. Однако, услышав критические замечания коллег из Гёттингена и Берлина о том, что письмо Вина могут интерпретировать как призыв отказаться от цитирования, решил, что публиковать «воззвание» не стоит. Зоммерфельд призывал считать «воззвание» секретной инструкцией, не допуская, чтобы о нем стало известно за границей³¹. За то, чтобы «воззвание» было документом для внутреннего пользования в кругу немецких и австрийских физиков и не подвергалось огласке, выступал и Эрнст Дорн (1848–1916). Он готов был подписать воззвание при выполнении этого условия³².

Кроме Штарка, который дал импульс всему проекту, письмо подписали 16 человек. «Воззвание» было напечатано тиражом 700 экземпляров.

²⁸ Письмо Экснера Вину от 22.01.1915 // Autograph Nr. 1431. SBPK. Berlin.

²⁹ Письмо Лехера Вину от 31.12.1914 с пояснительной пометкой Экснера и письмо от 22.01.1915 // Nachlaß Wien DMM.

³⁰ Письмо Швайдлера Вину от 31.12.1914 и 23.01.1915 // Nachlaß Wien DMM.

³¹ Письмо Зоммерфельда Вину от 22.01.1915 // Stargardt Auktionskatalog Nr. 627, Marburg 1982, 60. Письмо Зоммерфельда Вину от 03.05.1915, письмо Вина Зоммерфельду от 04.05.1915. Напечатано в: *Eckert et al.* (сноска 4), S. 493–495, а также в: Nachlaß, Wien. DMM.

³² Письмо Дорна Вину от 10.01. и от 23.01.1915, письмо Вина Дорну от 08.01.1915 // Nachlaß Wien DMM.

ляров и в начале марта разослано в немецкие и австрийские высшие школы. Вузы немецкой части Швейцарии в список адресатов Вин не включил, исходя из своего восприятия ситуации в них³³. Однако сохранить письмо в тайне удавалось недолго. 28 апреля 1915 г. в утреннем выпуске «Франкфуртер Цайтунг» появилась статья «Немецкие физики и Англия». Помимо отдельных фрагментов «воззвания» в ней был представлен полный список тех, кто его подписал³⁴.

Эпилог

После войны Вин и Ленард стремились наряду с децентрализацией Немецкого физического общества изменить правила подготовки физических сообщений. Некоторые идеи «воззвания» были озвучены вновь. Речь шла о том, чтобы при составлении рефератов соблюдалась «справедливость относительно немецкой литературы»³⁵. По инициативе Ленарда Вин снова воплотил эту идею в конкретный проект и разослал соответствующее циркулярное письмо некоторым коллегам³⁶. В соответствии с ним подготовка статей должна было быть не «берлинским» (термин, который якобы указывал на отсутствие национального достоинства), а общегерманским делом. Прежде всего, при этом необходимо было «гарантировать, чтобы немецкая литература учитывалась в достаточной степени по сравнению с иностранной»³⁷. Контроль над выполнением этого требования Ленард предлагал поручить промежуточному звену редакторов, которые, когда это необходимо, вносили бы в статьи необходимые дополнения. В сентябре 1920 г. этот

³³ Письмо Вина Штарку от 26.02.1915 // Nachlaß Stark SBPK; третье циркулярное письмо Вина от 19.01.1915 // и то, и другое из папки с копиями корреспонденции с Ми в Nachlaß Wien DMM.

³⁴ Die deutschen Physiker und England // Frankfurter Zeitung, 28. April 1915, Nr. 117; Erstes Morgenblatt. См. также Jahrbuch der Telegraphie und Telephonie, 1915. Bd. X. S. 181–185, в котором воспроизводился текст из газеты, снабженный дальнейшими комментариями.

³⁵ Письмо Вина Ленарду от 12.02.1920 // Kopie im Nachlaß Wien. DMM.

³⁶ Письма Вина Ленарду от 25.02., 01.03. и 09.04.1920 // Kopie im Nachlaß Wien DMM.

³⁷ Письмо Meу et al. Зоммерфельду от 28.04.1920: Отчет о совместном заседании представителей Немецкого физического общества и Немецкого общества технической физики 28.04.1920 // Nachlaß Sommerfeld DMM, NL 89, 018, Mappe 3, 8, Internet: www.lrz-muenchen.de/~Sommerfeld/.

проект готовы были одобрить 54 человека³⁸. За день до начала работы осеннего заседания в курорте Наухайм Вин и Ленард обсуждали этот вопрос в узком кругу коллег (около десяти человек), исповедовавших народническое («фёлькиш») мирозерцание и относившихся по своим убеждениям к правому политическому спектру. На заседании, которое вошло в историю, прежде всего, из-за конфликта Эйнштейна и Ленарда, было принято решение о структурной реформе, а Вин был избран новым председателем «Немецкого физического общества». Однако предложения об изменении порядка цитирования приняты не были.

Вместе с тем продолжалось недовольство влиянием английских работ в физике. Его выражением стала бурная реакция немецких физиков на появление в 1925 г. в «Физическом журнале» публикации на английском языке. Как председатель Немецкого физического общества Макс Вин адресовал коллегам письмо, в котором он говорил о том, что публикация этой работы свидетельствует о «недостатке национального достоинства»³⁹. В знак протеста Вин и его предшественник Химштедт ушли со своих постов. Вальтеру Нернсту (1864–1941), который считал, что на фоне более важных проблем, которые стоят перед немецкими физиками, этот случай имеет второстепенное значение, Химштедт возразил: «Для многих, надеюсь, для большинства коллег защита немецкого достоинства значительно важнее, чем физика»⁴⁰. Еще раньше о своем выходе из рядов Немецкого физического общества в связи с публикацией этой статьи объявил Ленард⁴¹. По всей

³⁸ Письмо Ленарда Зоммерфельду от 02.09.1920 // Nachlaß Sommerfeld DMM, NL 89, 018, Mappe 3, 8, Internet: www.lrz-muenchen.de/~Sommerfeld/.

³⁹ Обращение Вина к членам комиссии журнала Немецкого физического общества 12.06.1925 // Nachlaß Wien DMM; Письмо М. Вина Зоммерфельду от 11.05.1925 // Nachlaß Sommerfeld DMM, NL 89, 018, Mappe 3, 7, Internet: www.lrz-muenchen.de/~Sommerfeld/; Письмо Макса Вина Вину от 30.05.1925 // Nachlaß Wien DMM; письмо Вина Планку в июле 1925 и Планка Вину от 25.07.1925 // Nachlaß Wien SBPK Berlin; речь шла о статье: *Ghosh R.N.* On the Electrical Conductivity of Heated Gas // *Z. f. Physik*, 1925. № 32. S. 113–118. Об этом см. также Hermann A. Die Deutsche Physikalische Gesellschaft 1899–1945 // *Physikalische Blätter*. 1995, № 51. F61-F105, цит. F89-F90.

⁴⁰ Письмо Химштедта Нернсту от 15.07.1925 // Nachlaß Wien DMM.

⁴¹ Письмо Ленарда Макс Вину от 20.05.1925 / Kopie im Nachlaß Wien DMM; см. также Beyerchen A. *Wissenschaftler unter Hitler*. Frankfurt; Berlin; Wien, 1982. S. 139.

видимости, Лауэ был прав, когда говорил, что причины этих противоречий лежат в глубинных конфликтах, характеризующих «всю немецкую физику»⁴².

Заключение

Значение «воззвания» ни в коем случае не ограничивается его непосредственным, скорее незначительным воздействием. Впоследствии инициатор «воззвания» Вин не питал иллюзий по поводу применения сформулированных им правил. В 1916 г., осознавая свое бессилие, он писал, что от «иностранщины», на борьбу с которой было брошено столько сил, вряд ли удастся избавиться⁴³. «Воззвание» представляло собой нечто большее, чем просто технические указания о надлежащем способе цитирования английских изданий. Его необходимо рассматривать в контексте «войны умов», в которой оно заняло особое положение.

Сначала «воззвание» было реакцией на то, что известные английские физики оказались в числе подписавших заявление, в котором оправдывалось вступление Англии в войну. Возмущение, которое это заявление вызвало у немецких физиков, было созвучно ярко выраженному враждебному отношению к Англии, которое царило в обществе. Свою роль здесь сыграло и соперничество с английскими физиками. С другими странами такого соперничества не было ввиду их меньшего научного значения⁴⁴. Однако немецкие физики вместо того, чтобы составить ответ английским коллегам, подписавшим это заявление, выразили свое недовольство в «воззвании», которое было адресовано внутрь сообщества и потому выполняло другие функции. Оно преследовало цель обеспечить немецким физикам престиж и общественное признание в их соревновании с Англией. При этом едва ли обсуждался вопрос, насколько сформулированные правила практичны, и способно ли их соблюдение привести к желаемой цели. Таким образом, другой, возможно, более важной причиной появления «воззвания» стала необходимость мобилизации немецких физиков.

⁴² Письмо Лауэ Зоммерфельду от 20.07.1925, DMM HS 1977 — 28/A, 197, Internet: www.lrz-muenchen.de/~Sommerfeld/

⁴³ Письмо Вина Ленарду от 19.06.1916 // Nachlaß Wien DMM.

⁴⁴ Согласно Вину от других народов не исходило такого «вредного влияния» // Письмо Вина Зоммерфельду от 04.05. 1915 (сноска 31).

Вин считал «иностранину» симптомом недостатка национального достоинства⁴⁵. В атмосфере, сложившейся после начала войны, оказалось, что в этих категориях заложен потенциал для мобилизации немецкого сообщества физиков. Часто превозносимый интернациональный характер науки воспринимался отныне исключительно как инструмент для осуществления информационного обмена, и лишь немногие ученые, главным образом представители старшего поколения (Фойгт) вспоминали о международном научном сообществе как о сообществе наднациональном.

В других воюющих странах ученые также принимали участие в шовинистической травле. При этом ученые не только обсуждали политические вопросы, но и не стеснялись соединить их с нападками на содержание научного творчества. Так, в изданной во Франции в 1916 г. книге «Немцы и наука» 23 автора, представлявшие различные специальности, выразили свою негативную оценку немецкой науки. Их упрек в том, что работам французских авторов не уделяется достаточного внимания, был созвучен идеям «воззвания». Физик Пьер Дюгем (1861–1916), говоря о теории относительности, даже заявил, будто немецкие ученые пренебрегают здравым смыслом⁴⁶.

Тем не менее, «воззвание» представляло собой нечто иное. Оно стало согласованной акцией, которая была направлена на мобилизацию ученых всей отрасли, а потому стояло в «войне умов» особняком. Внутренние противоречия, проявившиеся при этом среди немецких физиков, не исчезли и после окончания войны. Во время дискуссии, развернувшейся в 1920 г. на страницах журналов, прозвучали знакомые еще со времен борьбы с «англomанией» идеи о признании немецкой литературы, связанные с народническим («фёлькиш») мирозерцанием. Эти лозунги разделяли Ленард и Штарк, относительно рано выразившие поддержку национал-социализму, Вильгельм Вин, который всегда брал инициативу в свои руки, а также влиятельные группы немецких физиков. «Война умов» обнажила идеологические проблемы внутри физического сообщества Германии.

⁴⁵ *Wien*. Die künftigen Kulturbeziehungen der Völker / машинописный манускрипт, дата не проставлена, 19 страниц, с. 4 // Nachlaß Wien DMM.

⁴⁶ *Kleinert A.* Von der Science Allemande zur deutschen Physik // *Francia*, № 6, 1978. S. 509–525, цит. 519. См. Также: *Berliner A.* Die Deutschen und die Wissenschaft // *Die Naturwissenschaften*. 1917. № 5. S. 652–654.

Приложение

Воззвание

Во время войны отношения ученых-физиков с враждебными странами будут регулироваться иначе. В особенности это касается Англии — после того, как английские ученые, в том числе восемь известных физиков (Брэгг, Крукс, Флеминг, Лэмб, Лодж, Рамзай, Рэлей, Дж. Дж. Томсон), подписали враждебное, игнорирующее ситуацию в Германии заявление.

Заявление английских ученых показало, что попытки прийти к взаимопониманию с англичанами, которые предпринимаются уже много лет, оказались неудачными и в обозримом будущем не могут быть предприняты снова. Уступки, на которые мы шли в целях сближения научных кругов обоих народов, теперь ничем не оправданы. Поэтому необходимо снова освободить немецкую физику от необоснованного английского влияния.

Конечно, речь не идет об отрицании научных идей и предложений английских ученых. Но увлечение немцев иностранным, которое часто подвергается критике, стало столь заметно в нашей науке, что на него необходимо указать.

Высказав эти соображения, для начала ограничимся тем, что предложим всем физикам действовать в соответствии со следующими правилами:

1. В списке литературы английские авторы не должны упоминаться чаще, чем наши соотечественники, как это уже не раз случалось.
2. Немецкие физики должны отказаться от публикации в английских журналах своих статей за исключением работ, содержащих возражения.
3. Издатели должны публиковать научные работы только на немецком языке, а переводы издавать лишь в случае признанной экспертами исключительной литературной ценности произведения.
4. Переводы не должны осуществляться за счет средств государственной казны.

Э. Дорн, Ф. Экснер, В. Халльвакс, Ф. Химштедт, В. Кениг, Э. Лехер, О. Луммер, Г. Ми, Ф. Рихарц, Э. Рике, Э. фон Швейдлер, А. Зоммерфельд, Й. Штарк, М. Вин, О. Винер.

Перевод О.Ю. Лашкул